

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org).
Перевод уже был опубликован в 2009 году на сайте этой организации
<http://www.srji.org/resources/search/124/> Разрешение на публикацию перевода было дано
исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation
was published in 2009 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for
the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ТАЙСУМОВ И ДРУГИЕ ПРОТИВ РОССИИ»

(Жалоба № 21810/03)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

14 мая 2009 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

6 ноября 2009 года

Текст может быть дополнительно отредактирован.

В деле “Тайсумов и другие против России”,

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседая Палатой в следующем составе:

Кристос Розакис, *Президент*

Анатолий Ковлер,

Элизабет Штейнер,

Дин Шпильманн,

Сверре Эрик Йебенс,

Джордж Малинверни,

Георгий Николаи, судей,

и Андре Вампах, *Секретарь Секции*,

заседая 14 апреля 2009 года за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, принятое в последний вышеупомянутый день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (21810/03) против России в соответствии со Статьей 34 Европейской Конвенции по защите прав человека и основных свобод (далее Конвенция) тремя гражданами России тремя гражданами Российской Федерации, г-ном Супьяном Юсуповичем Тайсумовым, г-жой Розой Шомсуевной Идрисовой, г-жой Хедой Казбековной Тайсумовой далее (далее заявители), 16 июня 2003 года.

2. Заявителям была предоставлена правовая помощь (legal aid). Их интересы в Суде представляли юристы организации «Правовая инициатива по России», НПО с центральным офисом в Нидерландах и представительством в России. Правительство Российской Федерации («Правительство») представляли г-н П.Лаптев и г-жа В. Милинчук, бывшие Представители Российской Федерации в Европейском суде по правам человека, и позже — действующий представитель г-н А. Савенков.

3. Заявители утверждали, что их близкие родственники погибли после артиллерийского удара российских вооруженных сил по их дому, что не было проведено эффективного расследования обстоятельств смерти, что сами заявители перенесли душевные страдания и что они не имели в распоряжении эффективных внутренних средств правовой защиты.

4. 29 августа 2004 года Суд решил применить Правило 14 Правил Суда в отношении данного дела.

5. В соответствии с решением от 7 марта 2008 года Суд объявил жалобу приемлемой.

6. Заявители и Правительство представили письменные замечания (Правило 59 § 1). После консультации со сторонами было решено не проводить устных слушаний по делу (Правило 59 § 1 *мелкий шрифт*), и стороны письменно ответили на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Первый заявитель родился в 1942 г., второй заявитель родился в 1944 году и третий заявитель родился в 2002 году. Они живут в село Чечен-Аул, Грозненский район, Чеченская Республика.

8. Первый и второй заявители являются супругами и родителями г-на Казбека Тайсумова, 1972 года рождения. Г-н Казбек Тайсумов был женат на г-же Зулпат Эскирхановой, 1978 года рождения. У Казбека Тайсумова и Зулпат Эскирхановой было две дочери: г-жа Айшат Эскирханова, 1999 года рождения и третья заявительница. Они все вместе проживали в частном доме на улице Молодежной, село Чечен-Аул.

А. Атака 7 сентября 2002 года и смерть родственников заявителей.

1. Позиция заявителей

9. 7 сентября 2002 года примерно в 22.10 Казбек Тайсумов, Зулпат Эскирханова и их старшая дочь Айшат ужинали во дворе своего дома под навесом. Их сосед, г-н Д., который пришел навестить Казбека Тайсумова, также находился во дворе и собирался уходить. Первый заявитель укладывал спать шестимесячную третью заявительницу в доме. Вторая заявительница отсутствовала дома.

10. Около 22.20 начался артиллерийский обстрел, который велся из трех направлений, а именно: с федеральной военной базы в Ханкале, из села Старые Атаги, в котором дислоцировался Шалинский полк, и со стороны 56-го участка.

11. Первый заявитель услышал, как один из снарядов упал возле их дома и взорвался, в результате чего было нарушено электроснабжение. Первый заявитель схватил третью заявительницу, выбежал наружу и спрятался в канаве, расположенной во дворе дома. Сразу же после этого он увидел, как еще один снаряд попал в дом, и одна из стен дома разрушилась. Часть дома, включая комнату, в которой до этого находились первый и третий заявители, была разрушена.

12. В общей сложности было выпущено от 15 до 18 снарядов. Три из них попали в дом заявителей. Атака длилась 20 минут. После того, как ведение огня было прекращено, первый заявитель стал медленно продвигаться по двору, покрытому обломками, и наткнулся на свою невестку. Один из снарядов попал ей прямо в голову. Первый заявитель увидел неподалеку своего сына. Он был тяжело ранен и умер полчасу спустя. Первому заявителю не удалось найти свою старшую внучку, и он стал звать на помощь соседей.

13. После того как соседи прибыли на место, они вместе с первым заявителем стали искать жертв обстрела. Они внимательно при помощи фонарей осмотрели двор. Они обнаружили Айшат Эскирханову под обломками, она лежала недалеко от своих родителей. Трехлетняя девочка

была смертельно ранена в живот несколькими осколками бомбы. Она умерла по пути в больницу. Г-н Д. был тяжело ранен и доставлен в больницу. Ему удалось выжить, однако при этом он потерял зрение.

14. В результате атаки 7 сентября 2002 года дом заявителей и принадлежавший первому заявителю микроавтобус КавЗ 685 были значительно повреждены. Заявители предоставили дефектный акт, составленный главой администрации Чечен-Аул, в котором была отражена степень разрушения имущества, принадлежащего заявителям. Кроме того, заявители предоставили рукописную схему расположения их дома, с указанием трех направлений, со стороны которых велся артиллерийский обстрел села, фотографии поврежденного дома, микроавтобуса и нескольких воронок от снарядов, образовавшихся возле дома. Первый заявитель утверждает, что он осмотрел воронки и обнаружил несколько боеголовок снарядов. Он записал их серийные номера и предоставил их в прокуратуру. Один их номеров на боеголовках был RGM-216-82.

15. 8 сентября 2002 года следователи прокуратуры Грозненского района (далее – «районная прокуратура») прибыли на улицу Молодежную и провели осмотр места происшествия и трупов. Однако при этом ими не была проведена судебно-медицинская экспертиза тел. Вместо этого следователи предложили забрать тела с собой. Заявители отказались, и похоронили Казбека Тайсумова, Зулпат Эскирханову и Айшат Эскирханову в тот же день.

16. 26 сентября 2002 года были выданы медицинские свидетельства о смерти Казбека Тайсумова, Зулпат Эскирхановой и Айшат Эскирхановой. Документы утверждали, что они были убиты 7 сентября 2002 года в селе Чечен-Аул.

17. 11 декабря 2002 года ЗАГС Грозненского района зарегистрировал факт смерти родственников заявителей. Дата и место смерти были указаны как 7 сентября 2002 года, село Чечен-Аул.

2. Позиция Правительства.

18. Правительство утверждает, что относительно обстоятельств данного дела Генеральная прокуратура РФ установила, что 7 сентября 2002 года около 21 часа 30 минут в населенном пункте Чечен-Аул, на улице Молодежной, в непосредственной близости от домовладения, принадлежавшего первому заявителю, были произведены подрывы взрывных устройств. В результате подрывов погибли проживавшие в доме Казбек Тайсумов, Зулпат Эскирханова и Айшат Эскирханова. Г-ну Д. был причинен тяжкий вред здоровью, а находящимся по близости Г-ну Ю. и Г-же Ю. был причинен легкий вред здоровью. Подрывы стали причиной частичного разрушения дома первого заявителя.

В. Расследование обстрела

1. Информация, предоставленная заявителями

19. После убийства родственников заявители неоднократно обращались в прокуратуры различных уровней как лично, так и посредством письменных обращений. Им помогала организация «Правовая инициатива по России». В своих письмах властям заявители излагали обстоятельства смерти своих родственников и просили предоставить им детальную информацию о расследовании. Большинство из данных обращений остались без ответа или на них были получены ответы, в соответствии с которыми обращения Заявителей были направлены в различные прокуратуры для рассмотрения по существу.

20. Таким образом, первый заявитель получил информацию о том, что он признан потерпевшим по уголовному делу №56136.

21. 16 декабря 2002 года первый заявитель направил запрос в прокуратуру Чеченской Республики (далее – «прокуратуру Чечни») и военную прокуратуру войсковой части 20102 (далее – «военную прокуратуру») с просьбой проинформировать его о ходе расследования.

22. 15 января 2003 года прокуратура Чечни направила запрос первого заявителя в военную прокуратуру «для приобщения к материалам уголовного дела №34/33/0621- 2, возбужденного по ст. 109 ч.2 Уголовного Кодекса РФ и подготовки ответа».

23. 22 января 2003 года первый заявитель отправил в районную прокуратуру запрос о результатах расследования.

24. Письмом от 13 марта 2003 года прокуратура Чечни направила запрос первого заявителя как «ошибочно направленный» в военную прокуратуру. В письме также говорилось, что уголовное дело №34/33/0621-2, полученное прокуратурой Чечни 9 декабря 2002 года, было возвращено 11 декабря 2002 года в военную прокуратуру для «дополнительного расследования».

25. 25 марта 2003 года Главная военная прокуратура направила письмо первого заявителя в отношении смерти членов его семьи и уничтожения имущества для рассмотрения в Управление Генеральной прокуратуры РФ в Южном федеральном округе.

26. 31 марта 2003 года военная прокуратура проинформировал первого заявителя о том, что 8 сентября 2002 года районная прокуратура возбудила уголовное дело в связи со смертью членов его семьи 7 сентября 2002 года. В письме также указывалось, что 14 февраля 2003 года материалы дела были переданы в военную прокуратуру, и делу был присвоен номер 34/33/0621-02, а также что следствием предпринимаются мероприятия, направленные на установление лиц, причастных к происшедшему.

27. 4 апреля 2003 года первый заявитель обратился в военную прокуратуру с запросом о ходе расследования и просьбой признать его потерпевшим по делу. При этом он указал, что с момента возбуждения уголовного дела, он не получал никакой информации о ходе расследования.

28. Письмом от 6 мая 2003 года военная прокуратура проинформировала первого заявителя, что 8 сентября 2002 года районная прокуратура возбудила уголовное дело по ст. 105 ч.2 УК РФ (убийство при отягчающих

обстоятельствах) в связи с «серией взрывов» в селе Чечен-Аул 7 сентября 2002 года, и что 28 сентября 2002 года материалы дела были переданы в военную прокуратуру, где делу был присвоен номер 34/33/0621-02Д. Причиной для передачи дела было предположение о том, что «серия взрывов» явилась результатом обстрела села Чечен-Аул федеральными войсками. В письме имелась ссылка на результаты экспертизы № 615-С, проведенной 12 сентября 2002 года и утверждалось, что данная версия следствия не получила подтверждения. В образовавшихся воронках экспертами были найдены фрагменты детонаторов для артиллерийских снарядов калибра 122 мм. Однако было обнаружено, что данные снаряды были переделаны в самодельные взрывные устройства и закопаны в землю членами незаконного бандформирования, а не выпущены из артиллерийского оружия. Более того, федеральные силы, дислоцированные в Ханкале, не проводили никакого артобстрела 7 сентября 2002 года, и, кроме того, у них в арсенале не имеется снарядов калибра 122 мм. В письме содержался вывод о том, что «серия взрывов» в Чечен-Ауле явилась результатом «террористической деятельности членов незаконных вооруженных формирований, которые закопали и подорвали взрывные устройства», а не результатом артиллерийского обстрела со стороны федеральных военных. При отсутствии доказательств причастности военных к данному преступлению, 27 мая 2003 года материалы уголовного дела были переданы в прокуратуру Чечни. Письмо также информировало первого заявителя о постановлении от 9 сентября, в соответствии с которым он был признан потерпевшим по уголовному делу, с приложением копии постановления.

29. Первый заявитель утверждает, что ему стало известно об экспертизе, проведенной 12 сентября 2002 года только после получения вышеуказанного письма, а также то, что у него не было возможности ознакомиться с ее выводами.

30. 4 июня 2003 года прокуратура Чечни передала запрос первого заявителя на рассмотрение в военную прокуратуру.

31. 9 июля 2003 года «Правовая инициатива», действуя от имени заявителей, обратилась с запросом в военную прокуратуру. Они просили предоставить информацию о ходе расследования уголовного дела, возбужденного в связи с убийством членов семьи Тайсумовых и просили признать первого заявителя потерпевшим по делу.

32. 14 августа 2003 года военная прокуратура направила ответ, в котором указывалось, что постановлением районной прокуратуры от 9 сентября 2002 года первый заявитель был признан потерпевшим по уголовному делу и допрошен.

33. 24 октября 2003 года «Правовая инициатива», действуя от имени заявителей, обратилась с запросом в районную прокуратуру. В письме говорилось, что экспертиза, проведенная 12 сентября 2002 года, не была осуществлена должным образом, и что полученные ею результаты были противоречивы. В связи с этим «Правовая инициатива» потребовала от органов следствия проведения новой экспертизы в присутствии первого заявителя, его представителя и независимых экспертов.

34. Первый заявитель утверждает, что через некоторое время группа следователей посетила его дом и провела осмотр поврежденного микроавтобуса. При этом они не объяснили ему своих действий.

35. 20 ноября 2003 года районная прокуратура проинформировала первого заявителя и «Правовую инициативу» о том, что уголовное дело, возбужденное 8 сентября 2002 года в связи со смертью семьи Тайсумовых, с порядковым номером 56136 было передано 15 октября 2002 года в военную прокуратуру.

36. 3 октября 2005 года «Правовая инициатива» отправила в военную прокуратуру и прокуратуру Чечни запрос провести новую экспертизу в присутствии первого заявителя, его представителя и независимого эксперта.

37. 17 октября 2005 года прокуратура Чеченской Республики направила письмо «Правовой инициативы» от 3 октября 2005 года в Прокуратуру Объединенной группировки войск (далее – «прокуратура ОГВ»), которая затем направила его в военную прокуратуру.

38. 19 января 2007 года «Правовая инициатива» запросила военную прокуратуру провести новое экспертный осмотр и дать ответ на их предыдущее письмо.

39. 15 марта 2007 года военная прокуратура сообщила «Правовой инициативе», что материалы дела временно находятся в прокуратуре ОГВ (с).

2. Информация, предоставленная Правительством.

40. 8 сентября 2002 года районная прокуратура возбудила уголовное дело по факту смерти Казбека Тайсумова, Зулпат Эскирхановой и Айшат Эскирхановой по статье 109 часть 2 Уголовного Кодекса РФ (причинение смерти по неосторожности). Уголовному делу был присвоен номер 56136. В соответствующей части постановления говорится следующее:

«7 сентября 2002 года в 21 час 25 минут со стороны населенного пункта Ханкала произведены 17-18 выстрелов из артиллерийских орудий по окраине населенного пункта Чечен-Аул Грозненского района Чеченской Республики. В результате прямого попадания в дом по улице Молодежная (без номера), принадлежавший семье Тайсумовых, погибла семья из трех человек: Тайсумов К.С., его жена Эскирханова З.Х. и их дочь Айшат».

41. 8 сентября 2002 года заявители попросили районную прокуратуру не производить вскрытие тел их родственников в связи с их религиозными убеждениями.

42. 9 сентября 2002 года районная прокуратура вынесла постановление о признании потерпевшим по уголовному делу №56136 первого заявителя и уведомила его об этом.

43. В этот же день были признаны потерпевшими по делу двое соседей Казбека Тайсумова, Г-жа Б. и Г-н Ю., о чем они были уведомлены. Г-жа Б. утверждала, что в 21.30 7 сентября 2002 года начался артиллерийский обстрел, что в ходе атаки у нее сложилось впечатление, что снаряды летели со всех сторон. Г-н Ю. утверждал, что в 21.30 7 сентября 2002 года он слышал шум артиллерийских ударов и через какое-то время звук

разрушений. Он далее отметил, что два снаряда попали на территорию его кухни и что другой снаряд пробил крышу его дома.

44. 10 сентября 2002 года районная прокуратура постановила передать материалы уголовного дела в военную прокуратуру по подследственности. В соответствующей части постановления говорится:

«В ходе предварительного следствия материалами дела полностью доказано совершение преступления военнослужащими Федеральных сил. Свидетели... показали, что обстрел производился со стороны н.п. Ханкала и места дислоцирования поста, который находится на перекрестке трассы Баку - Ростов – Грозный – Шатой и со стороны н.п. Старые Атаги Грозненского района. Именно в указанном месте располагаются части Федеральных сил, где имеются артиллерийские и минометные орудия. Все допрошенные свидетели показали, что вспышки в момент выстрелов видны были именно в тех местах, где дислоцируются армейские подразделения.

Изъятые с места происшествия одинаковые осколки и фрагменты снарядов с маркировкой РМГ-2 16-82 полностью подтверждают факт обстрела из орудий военнослужащими н.п. Чечен-Аул. Снаряды с упомянутой маркировкой имеются только в войсковых частях.

Имеющиеся воронки на месте происшествия, образовавшиеся при попадании снарядов, указывают на то, что снаряды были выпущены именно с тех сторон, где дислоцируются выше указанные воинские подразделения Российской Федерации. Подразделения МВД, которые дислоцируются в окрестности н.п. Чечен-Аул, артиллерийские и минометные орудия не имеют».

45. В ответе военной прокуратуры сообщается, что делу был присвоен номер 14/33/0621-02. Затем номер дела был изменен на 34/33/0621-02.

46. В неустановленное время в 2002 году была организована комиссия в составе офицеров Объединенной группировки войск (сил) и офицеров Министерства внутренних дел, которые провели осмотр места взрывов в Чечен-Ауле. Комиссия установила, что версия о применении авиационных, артиллерийских и инженерных средств поражения не подтвердилась. В дальнейшем было установлено, что произошло самопроизвольное срабатывание группы фугасов, установленных с целью поражения личного состава и техники федеральных сил. Вероятно, фугасы были самодельные и радиоуправляемые.

47. 26 ноября 2002 года военная прокуратура постановила, что взрывы 7 сентября 2002 года произошли по причине самопроизвольного подрыва фугасов, установленных членами незаконных вооруженных формирований, и приостановила предварительное расследование уголовного дела №34/33/0621-02 в связи с неустановлением лиц, причастных к преступлению.

48. В это же время материалы уголовного дела были переданы в прокуратуру Чечни.

49. 11 декабря 2002 года материалы уголовного дела были возвращены в прокуратуру ОГВ (с).

50. 15 мая 2003 года военная прокуратура возобновила расследование по делу №34/33/0621-02 в связи с необходимостью уточнить характер и происхождение взрывных устройств.

51. 16 мая 2003 года военная прокуратура приостановила расследование.

52. В июне 2003 года прокуратура ОГВ (с) запросила материалы уголовного дела и указала на необходимость провести следственные мероприятия, направленные на раскрытие преступления.

53. 1 июля 2003 года прокуратура ОГВ (с) вернула материалы уголовного дела в военную прокуратуру в связи с тем, что оно было преждевременно приостановлено.

54. 14 августа 2003 года военная прокуратура приостановила расследование в связи с проведением оперативного розыска и поручила Грозненскому отделу внутренних дел (далее – «РОВД») провести мероприятия по установлению и задержанию лиц, причастных к совершению преступления. В постановлении относительно обстоятельств дела говорилось следующее:

«7 сентября 2002 года в период времени между 21 и 23 часами со стороны населенного пункта Ханкала произведены 17-18 выстрелов из артиллерийских орудий по улице Молодежная села Чечен-Аул Грозненского района Чеченской Республики. В результате прямого попадания в дом, принадлежавший семье Тайсумовых, погибли Тайсумов К.С., Эскирханова З.Х. и А. Тайсумова».

55. 6 октября 2003 года военная прокуратура отменила постановление от 14 августа 2003 года и возобновила расследование. На следующий день оно было вновь приостановлено.

56. 14 октября 2003 года военная прокуратура вынесла постановления о признании потерпевшими по уголовному делу №34/33/0621-02 соседей Тайсумова, Г-на и Г-жи Ю., и допросила их двоих несовершеннолетних детей.

57. 17 ноября 2003 года военная прокуратура вынесла постановление о признании потерпевшим Г-на Д. и допросила его.

58. 6 декабря 2003 года военная прокуратура приостановила расследование по уголовному делу №34/33/0621-02 в связи с истечением срока установленного на предварительное следствие и поручила РОВД и Грозненскому отделу ФСБ провести мероприятия по установлению личностей преступников. Описание обстоятельств дела дословно повторяло то, которое содержалось в постановлении от 14 августа 2003 года.

59. 27 апреля 2005 года прокуратура ОГВ (с) отменила постановление от 6 декабря 2003 года, потому что не все необходимые следственные мероприятия были проведены, и направила материалы уголовного дела на дорасследование в военную прокуратуру. Они также указали, что материалы дела были переданы в прокуратуру ОГВ (с), так как «следователями дана односторонняя оценка доказательств относительно версии об артиллерийском обстреле федеральными силами». Также были перечислены действия, которые не были предприняты, в частности, следователи не изучили должным образом документацию об артиллерийских частях Объединенной группировки войск, не допросили сотрудников этих частей, не установили части, которые могли отправлять подобные снаряды, и не изучили, были ли снаряды RGM -2 получены войсковыми частями объединенной группировки войск.

60. 21 июня 2005 года военная прокуратура возобновила следствие.

61. 21 июля 2005 года военная прокуратура приостановила расследование уголовного дела №34/33/0621-02 в связи с неустановлением лиц, причастных к преступлению.

62. 28 декабря 2005 года прокуратура ОГВ (с) отменила постановление от 21 июля 2005 года, потому что не все необходимые следственные мероприятия были проведены, и направила материалы уголовного дела на дорасследование в военную прокуратуру. Она ссылалась на недостатки расследования, которые были указаны в ее постановлении от 27 апреля 2005 года.

63. 15 февраля 2006 года военная прокуратура приняла дело к производству.

64. С февраля 2006 года следователи предприняли ряд следственных действий. В частности, они допросили двух свидетелей, г-на Д. и первого заявителя, изъяли видеокассету с записью места происшествия после инцидента, распорядились провести экспертизу этой кассеты и запросили данные о военных приказах и других распоряжениях войскового начальства. Они также поручили проведение дополнительной экспертизы и получили некоторые данные, также потерпевшим было разрешено ознакомиться с постановлениями о назначении экспертизы. Следователи собрали документы, подтверждающие размер материального ущерба, причиненного потерпевшим по делу.

65. Следствие по делу №34/33/0621-02 продолжалось, и следственные действия были направлены на установление всех обстоятельств инцидента.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

66. См. обобщенное изложение применимых норм национального законодательства в постановлении по делу *Akhmadova and Sadulayeva v. Russia*, no. 40464/02, § 67-69, 10 мая 2007 г.

ПРАВО

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

A. Доводы сторон

67. Правительство утверждает, что жалоба должна быть признана неприемлемой, так как средства внутригосударственной защиты не являются исчерпанными пока расследование по убийству родственников заявителей не завершено. Оно также оспаривало приемлемость жалобы, так как заявители имели возможность доступа в суд по вопросу обжалования действий официальных лиц и процессуальных решений по данному уголовному делу или других правоохранительных органов.

68. Заявители оспаривали это возражение. По их мнению, факт того, что расследование по делу продолжалось на протяжении более чем шести лет

без какого-либо ощутимого результата подтверждает неэффективность имеющихся средств правовой защиты. Они также утверждали, что в Чеченской Республике обжалование постановлений следователей в рамках судопроизводства как средство правовой защиты является иллюзорным, неадекватным и неэффективным.

В. Оценка Суда

69. В настоящем деле Суд не принимал никакого решения об исчерпании внутренних средств защиты на стадии приемлемости, так как этот вопрос был слишком тесно связан с существом дела. Теперь Суд продолжит исследовать аргументы сторон в свете положений Конвенции и его актуальной практики (по обобщенному изложению применимых норм см. *Estamirov and Others v. Russia*, no. 60272/00, § 73-74, 12 октября 2006).

70. Суд повторяет, что Статья 35 § 1 Конвенции предусматривает распределение бремени доказывания. Правительству надлежало дать удовлетворительное объяснение Суду, что указанные средства были эффективными как в теории, так и на практике, то есть доступными, способными привести к исправлению жалоб заявителей и предполагающими разумные шансы на успех (см. *Selmouni v. France* [GC], no. 25803/94, § 76, ECHR 1999-V, и *Mifsud v. France* (dec.), no. 57220/00, § 15, ECHR 2002-VIII).

71. Суд отмечает, что следствие по делу об убийстве родственников заявителей продолжается с 8 сентября 2002 года. Мнения заявителей и Правительства об эффективности следствия расходятся.

72. Суд считает в свете предварительных возражений Правительства встает вопрос эффективности расследования уголовного дела, который тесно связан с существом жалоб заявителей. Поэтому Суд полагает, что данные вопросы должны быть рассмотрены ниже в свете материальных положений Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

73. Заявители жаловались по Статье 2 Конвенции на нарушение права на жизнь в отношении их родственников, и что национальные власти не выполнили эффективного расследования этого случая. Согласно Статье 2:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- в) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа.”

А. Предполагаемое нарушение права на жизнь

1. Доводы сторон

74. Заявители утверждали, что вне разумных сомнений их родственники были убиты представителями федеральных сил. заявители подчеркнули, что только военные используют артиллерийские снаряды и что воронки от снарядов показывают, что обстрел велся со стороны военной базы в Ханкале.

75. Правительство утверждало, что участие представителей федеральных сил в убийстве родственников заявителей не доказано. Оно утверждало, что смерть родственников заявителей была вызвана детонацией взрывного устройства в непосредственной близости от дома заявителей. Таким образом, не установлено причинная связь между смертью родственников заявителей и действиями военных. Соседи заявителей считали, что Молодежная улица была обстреляна артиллерией. Следователи описали события как бомбардировку в своих процессуальных документах, полагаясь на доводы заявителей. Версия об обстреле была опровергнута в ходе расследования.

76. Правительство утверждало, что на месте происшествия экспертами были обнаружены продолговатые воронки, что они образовались от горизонтально заложенного снаряда, и что таким образом закладывают фугасы террористы. По мнению экспертов, взрыв мог произойти по радиосигналу или самопроизвольно. Взрыв имел место в непосредственной близости от дороги, ведущей к незаконному нефтяному заводу, и был совершено преднамеренно или случайно.

77. По заключению эксперта, обнаруженные в воронках на месте происшествия осколки могли быть конструктивными элементами 122-миллиметрового артиллерийского снаряда М-30, D-30, 2C1 "Carnation" и М-66, так же как и снарядов А-19 и D-49. Детонаторы марки RGM-2 использовались в артиллерийских системах 1-30, 2C1, 2Ch3, 2c19 и D-44. В то же время, согласно материалам уголовного дела 7 сентября 2002 года артиллерийские подразделения федеральных сил боевых задачи в указанном районе не выполняли, снаряды калибра 122 мм ими не используются.

78. На месте осмотра места происшествия следствием были обнаружены фрагменты электромагнитного реле и проводов, используемых при изготовлении самодельных взрывных устройств фугасного типа участниками незаконных вооруженных формирований. Правительство утверждает, что в ходе следствия рассматривалась возможность самопроизвольного взрыва, преднамеренного радио-подрыва самодельных взрывных устройств представителями незаконных бандформирований.

79. По мнению Правительства, преждевременно делать какие-либо заключения по делу, так как расследование уголовного дела продолжается.

2. Оценка суда

(а) Общие принципы

80. Суд напоминает о том, что Статья 2, гарантирующая право на жизнь и устанавливающая обстоятельства, при которых оправдано лишение жизни, является одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, которое в мирное время не может быть объектом частичной отмены, предусмотренной Статьей 15. Ситуации, в которых может быть оправдано лишение жизни, представляют собой исчерпывающий перечень и подлежат ограничительному толкованию. Применение силы, способной привести к лишению жизни, должно быть "абсолютно необходимым" для достижения одной из целей, установленных в Статье 2 § 2 (а), (b) и (с). Термин «абсолютная необходимость» обуславливает применение более строгих и убедительных критериев необходимости, чем те, что обычно используются для установления того, является ли действие Государства «необходимым в демократическом обществе» согласно п.2 Статей 8 и 11 Конвенции. Исходя из этого, применение силы должно быть строго пропорционально результату, каковым является достижение допустимых целей. В свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особенно тщательному изучению, особенно в случае намеренного применения средств поражения, с учетом не только действий агентов Государства, фактически применяющих такие средства, но и сопутствующих обстоятельств, в том числе таких, как планирование и осуществление рассматриваемых действий (см. *McCann and Others*, постановление от 27 сентября 1995 года, Серия А №324, §§ 146 50; *Andronicou and Constantinou v. Cyprus*, постановление от 9 октября 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997 VI, стр. 2097 98, § 171; и *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 78, ECHR 1999 III).

(b) Установление фактов

81. Суд отмечает, что он разработал множество основополагающих принципов, связанных с установлением фактов, которых необходимо придерживаться при расследовании, в частности в случае, когда имеет место предположение об исчезновении по Статье 2 Конвенции (общие положения — см. *Bazorkina v. Russia*, no. 69481/01, §§ 103-109, 27 июля 2006). Также Суд отмечает, что поведение сторон при получении свидетельских показаний должно быть принято к сведению (см. *Ireland v. the United Kingdom*, 18 января 1978, § 161, Series A no. 25).

82. Заявители доказывали, что вне разумных сомнений их родственники были убиты представителями федеральных сил в ходе обстрела 7 сентября 2002 года. Заявители настаивали на том, что только военные могли проводить массивную атаку села, и что внутреннее расследование установило причастность военных к артобстрелу.

83. Правительство утверждало, что смерть родственников заявителей произошла по причине взрыва самодельного фугаса, заложенного боевиками, таким образом, она не может быть отнесена на счет Государства.

84. Суд обращает внимание в первую очередь на то, что в порядке установления существа жалоб заявителей, он просил Правительство представить копии материалов уголовного дела. Правительством были поданы 65 страниц документов, в основном постановления о приостановлении и возобновлении расследования, протоколы нескольких допросов потерпевших и свидетелей. Никакой план расследования или список документов, составлявших уголовное дело, не был приложен. Из рукописных отметок на документах можно предположить, что материалы дела составляли 150 страниц. Из этого следует, что Правительство не пожелало представить все материалы дела, ссылаясь на Статью 161 УПК. Суд указывает на то, что в ходе предыдущих дел он уже признал данное объяснение неудовлетворительным в качестве оправдания отказа в предоставлении ключевой информации, затребованной Судом (см. *Imakayeva v. Russia*, no. 7615/02, § 123, ECHR 2006-...).

85. В свете вышеизложенного и принимая во внимание вышеупомянутые принципы, Суд считает, что он может сделать выводы из действий Правительства в этом отношении.

86. Суд считает, что заявители представили ясную и убедительную картину произошедшего. Их версия событий была подтверждена внутренним расследованием с самого начала (см. пункт 40 выше). 10 сентября 2002 года, то есть спустя два дня после произошедшего, внутреннее расследование пришло к установленным, что федеральные силы были причастны к смерти родственников заявителей (см. пункт 44 выше).

87. Суд принимает к сведению версию Правительства о том, что смерть родственников заявителей произошла по причине подрыва самодельных взрывных устройств, заложенных боевиками. Однако он отмечает, что соседи заявителей, которые были признаны потерпевшими в ходе расследования и были очевидцами артобстрела и видели, как падали снаряды (см. пункт 43 выше). Более того, крайне сомнительно, что фугас, заложенный в верхние слои грунта, мог произвести дыру в крыше дома г-на Ю.

88. Более того, Суд отмечает, что, согласно Правительству, гипотеза артиллерийского обстрела дома заявителей была опровергнута в ходе расследования. Как следует из не датированного отчета специальной военной комиссии, смерть трех членов семьи Тайсумовых произошла в результате террористической атаки (см. пункт 46 выше). Эта версия была воспроизведена в постановлении военной прокуратуры от 26 ноября 2002 года (см. пункт 27 выше).

89. Тем не менее, Суд указывает, что 11 декабря 2002 года следствие нашло недостаточными доводы, оправдывающие войсковые части, которые предположительно открыли артиллерийский огонь 7 сентября 2002 года (см. пункт 62 выше). Как следует из документов, представленных Правительством, предположение о причастности военных к артобстрелу дома заявителей было вновь рассмотрено следствием как рабочая гипотеза в 2003 году (см. пункты 54 и 58 выше). Значит, эта версия не была отклонена следователями как неправдоподобная. Суд заключает в связи с этим, что версия причастности федеральных сил к преступлению не была опровергнута в ходе следствия. В таких обстоятельствах Суд не убеждает аргумент

Правительства, что следователи только цитировали в официальных документах утверждения заявителей о том, что село Чечен-Аул подверглось артобстрелу 7 сентября 2002 года.

90. Суд далее указывает, что в своих замечаниях Правительство полагается на не датированный отчет об осмотре места происшествия, произведенный военной комиссией (см. пункт 76 выше). Суд допускает, что это тот же самый отчет, копия которого представлена Правительством (см. пункт 46 выше). Однако, не ясно, какой именно орган власти и когда составил этот отчет. Поэтому Суд не может принять этот документ в качестве неопровержимого доказательства в поддержку утверждения, что дом Тайсумовых был разрушен в результате подрыва самодельного взрывного устройства, а не попаданием артиллерийского снаряда. Более того, Суд не убеждает версия, что войсковые части не имели на вооружении такой тип боеприпасов, который был обнаружен на месте происшествия, так как не была представлена копия заключения взрыво-технической экспертизы, на которую ссылалось Правительство (см. пункт 77 выше).

91. Суд считает, что в случае, когда заявителями предоставлены доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, а отсутствие необходимых документов мешает Суду дать фактическое заключение, Правительство должно убедительно аргументировать, почему документы, о которых идет речь, не могут служить подтверждением заявлений, сделанных заявителем, или предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение того, как происходили указанные события. Бремя доказывания, таким образом, переходит к Правительству, и если оно не сможет предоставить убедительные аргументы, возникают вопросы в соответствии со Статьей 2 и/или Статьей 3 (см. *Toğcu v. Turkey*, no. 27601/95, § 95, 31 мая 2005, и *Akkum and Others v. Turkey*, no. 21894/93, § 211, ECHR 2005-II).

92. Принимая во внимание вышеупомянутые элементы, Суд удовлетворен, что заявители представили доказательства, достаточные при отсутствии опровержения, что 7 сентября 2002 года дом Тайсумовых подвергся артиллерийскому обстрелу со стороны российских войск и что Казбек Тайсумов, Зулпат Эскирханова и Айшат Эскирханова были убиты в результате атаки федеральных сил. Заявление Правительства, что следствие не обнаружило каких бы то ни было доказательств причастности агентов Государства к этому убийству, является недостаточным для того, чтобы освободить Правительство от вышеупомянутого бремени доказывания. Делая выводы из отказа Правительства представить документы, находящиеся в его исключительном владении, или предоставить иное правдоподобное объяснение событий, о которых идет речь, Суд заключает, что Казбек Тайсумов, Зулпат Эскирханова и Айшат Эскирханова погибли в результате артиллерийского обстрела российскими военными 7 сентября 2002 года.

(в) Соблюдение Государством Статьи 2

93. Суд напоминает, что в свете важности той защиты, которую гарантирует Статья 2, Суд должен подвергать все случаи лишения жизни особо тщательному рассмотрению, учитывая не только действия

представителей Государства, но и сопутствующие обстоятельства (см., *McCann and Others*, цит. выше. § 147).

94. Судом уже установлено, что Казбек Тайсумов, Зулпат Эскирханова и Айшат Эскирханова погибли в результате артиллерийского обстрела российскими военными. Принимая во внимание, что государственные власти не предоставили какого-либо оправдания применению средств поражающей силы агентами Государства, Суд считает, что ответственность за их смерть должна быть отнесена на счет Правительства Государства-ответчика.

95. По указанным выше причинам Суд делает вывод, что имеет место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении Казбека Тайсумова, Зулпат Эскирхановой и Айшат Эскирхановой.

В. Заявленная неадекватность расследования обстоятельств похищения

1. Доводы сторон

96. Заявители также утверждали, что власти не провели эффективного расследования указанных обстоятельств смерти их родственников. Они доказывали, что расследование не соответствовало требованиям национального законодательства и стандартам Конвенции. В частности, расследование дела более шести лет не привело ни к каким существенным результатам, многократно приостанавливалось и возобновлялось. Заявители также указывают на то, что власти их не уведомляли своевременно обо всех этапах расследования и отказывали в доступе к материалам уголовного дела.

97. Правительство указало, что расследование проводилось с соблюдением требований об эффективности, предусмотренных Конвенцией. Уголовное дело было возбуждено на следующий день после инцидента. Заявители препятствовали ходу расследования, так как отказались от экспертизы трупов своих родственников. Следствие приостанавливалось несколько раз и затем возобновлялось, но это не свидетельствует о неэффективности. Правительство утверждало, что отказ следователей в доступе заявителей к материалам дела не противоречит процедурным обязательствам по Статье 2. Далее, ряд следственных мероприятий проводится в настоящее время, и, значит, расследование соответствует гарантиям по Статье 2 Конвенции.

2. Оценка Суда

98. Суд напоминает, что обязанность защищать право на жизнь в соответствии со Статьей 2 Конвенции, истолкованная в совокупности с общим правилом Статьи 1 Конвенции: «обеспечивать каждому лицу, находящемуся под его юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции», означает, что должно быть проведено эффективное официальное расследование в какой-либо форме всех случаев гибели людей в результате применения силы, особенно агентами Государства. Такое расследование должно быть эффективно в том смысле, что оно должно вести к определению необходимости применения силы в данных обстоятельствах и к установлению и наказанию лиц несущих

ответственность за преступление (см. see *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 88, ECHR 1999-III). В частности, здесь подразумевается требование незамедлительного начала подобного расследования и проведения его в разумные сроки (см. *Yaşa v. Turkey*, 2 September 1998, §§ 102-04, Reports 1998-VI, и *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, ECHR 2000-III, §§ 106-07). Следует признать возможность возникновения препятствий или трудностей, мешающих проведению расследования в конкретной ситуации. Однако незамедлительное реагирование властей путем расследования случаев применения силы, повлекшей лишение жизни, можно считать в целом необходимым для поддержания в обществе веры в верховенство закона и во избежание впечатления пособничества противоправным действиям или терпимого отношения к ним. По тем же причинам для обеспечения подотчетности не только в теории, но и на практике необходим элемент адекватного общественного контроля над ходом следствия и его результатами. Требуемая степень общественного контроля может быть разной в различных случаях. Однако во всех случаях ближайший родственник жертвы должен участвовать в процессуальных действиях в такой степени, в какой это необходимо для обеспечения его (ее) законных интересов (см. *Shanaghan v. the United Kingdom*, no. 37715/97, §§ 91-92, 4 мая 2001 г.).

99. В настоящем случае Суд отмечает, что расследование убийства родственников заявителей было возбуждено 8 сентября 2002 года и длится до настоящего времени. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям Статьи 2 Конвенции.

100. Суд отмечает в этой связи, что большая часть данных о расследовании не доступна Суду, так как Правительство отказалось предоставить материалы уголовного дела. Суд будет оценивать существо жалобы на основании имеющихся документов, представленных сторонами и сведений о ходе процесса, поданных Правительством.

101. Суд отмечает, что расследование было начато на следующий день после обстрела. Как следует из постановления от 10 сентября 2002 года, в ходе первых двух дней следователи районной прокуратуры допросили свидетелей и предприняли ряд других следственных мероприятий, которые позволили сделать вывод о причастности военных к убийству (см. пункт 44 выше). Однако после передачи материалов дела в военную прокуратуру, следствие стало затягиваться.

102. В частности, не смотря значительное количество доказательств причастности федеральных сил к атаке 7 сентября 2002 года и убийству трех родственников заявителей, до 28 декабря 2005 года не было никаких серьезных попыток установить личности сотрудников Государства, которые получили приказ об артиллерийском обстреле населенного пункта, или установить личности тех, кто отдавал этот приказ (см. пункт 62 выше). Суд считает маловероятным, что личности причастных к артиллерийскому вооружению могли быть не зависимы от войсковых частей, расположенных вблизи от Чечен-Аула, что причастные к артобстрелу были неизвестны органам власти, или что их невозможно было установить немедленно.

103. Суд отмечает, что расследование, которое проводилось с 8 сентября 2002 года, в течение этого времени оно приостанавливалось и возобновлялось, по крайней мере, шесть раз. На неэффективность и неполноту следствия неоднократно указывал прокурор вышестоящей инстанции (см. пункты 53, 39 и 62 выше).

104. Суд указывает на то, что следствие дважды передавалось из гражданской прокуратуры в военную прокуратуру, тем самым создавались задержки в расследовании, чему не было дано никакого объяснения Правительством. Например, военная прокуратура возобновила расследование спустя пять месяцев после получения материалов дела (см. пункт 49 и 50 выше). Однако, не смотря на такой значимый период бездействия по делу, расследование было приостановлено на следующий же день (см. пункт 51 выше). Более того, в другом случае следствие было вновь возобновлено только на один день (см. пункт 55 выше).

105. Суд далее указывает на то, что никаких мероприятий по делу не проводилось в период с 6 декабря 2003 года по 27 апреля 2005 года (см. пункт 58 выше), то есть в течение одного года и более чем пяти месяцев. Такое ведение следствия не могло не сказаться негативно на шансах установить виновных и раскрыть преступление.

106. Правительство не представило подробной информации о ходе следствия после февраля 2006 года. Суд, таким образом, заключает, что никаких значимых результатов не было получено в течение более чем трех лет, и это доказывает неэффективность уголовного расследования в данном случае.

107. Суд также отмечает, что хотя первый заявитель был признан потерпевшим по уголовному делу, его не уведомляли о значимых следственных действиях, а только информировали о приостановлении и возобновлении расследования. Из этого Суд делает вывод, что власти отказались обеспечить должный уровень общественного контроля над расследованием и гарантировать интересы ближайших родственников (см. *Oyur v. Turkey* [GC], no. 21594/93, § 92, ECHR 1999-III).

108. В отношении предварительного возражения Правительства, которое было объединено с рассмотрением жалобы по существу, поскольку касается вопроса о том, что внутренне расследование еще продолжается, Суд отмечает, что расследование, неоднократно приостанавливавшееся и возобновлявшееся и подорванное необъяснимыми отсрочками, продолжалось в течение многих лет без каких бы то ни было видимых результатов. Соответственно, Суд считает, что средство правовой защиты, на которое полагалось Правительство, являлось в настоящих обстоятельствах неэффективным, и отклоняет предварительное возражение Правительства.

109. Правительство также утверждало, что у заявителей имелась возможность потребовать судебной проверки постановлений, вынесенных следственными органами, в контексте исчерпания внутригосударственных средств защиты. Суд учитывает, что первый заявитель пытался использовать средство, упомянутое Правительством. Не поднимая вопрос о том, действительно ли городской суд отказался рассмотреть его жалобу по

существо дела только потому, что она не была должным образом подписана, Суд заключает, что ни первый заявитель, ни другие заявители, не имея доступа к материалам уголовного дела и будучи не информированными должным образом о ходе расследования, не могли эффективно оспаривать действия или бездействия следственных органов в суде. Кроме того, расследование несколько раз возобновлялось самой прокуратурой вследствие необходимости дополнительных следственных мероприятий. Тем не менее, обращения заявителей так и не были рассмотрены должным образом. Более того, вследствие того, что с момента событий, в отношении которых поступила жалоба, прошло определенное количество времени, некоторые следственные мероприятия, которые следовало провести ранее, не могли принести видимых результатов. Таким образом, вызывает серьезные сомнения версия, что средство правовой защиты, на которое полагалось Правительство, могло принести какие-либо ощутимые результаты. Поэтому Суд считает, что средство правовой защиты, на которое полагалось Правительство, являлось в настоящих обстоятельствах неэффективным, и отклоняет предварительное возражение Правительства и в этой части.

110. В свете вышесказанного Суд считает, что властями не было проведено эффективное расследование обстоятельств смерти Казбека Тайсумова, Зулпат Эскирхановой и Айшат Эскирхановой.

111. Поэтому Суд постановляет, что имеет место нарушение Статьи 2 Конвенции в ее процессуальной части.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

112. Заявители жаловались, что они пережили серьезное душевное страдание и стресс в связи с убийством их родственников и по причине неспособности государства провести тщательное расследование в этом отношении. Они ссылались на Статью 3, которая гласит:

"Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию".

113. Заявители настаивали на своих жалобах.

114. Правительство утверждало, что ощущение событий является субъективным вопросом, зависящим от эмоциональных и других особых свойств личности. Внутренним расследованием не установлены доказательства того, что заявители подверглись жестокому обращению. Они были признаны потерпевшими и таким образом могли защищать свои права согласно национальному законодательству.

115. Суд отмечает, что в то время как члены семьи «исчезнувшего лица» могут утверждать, что стали жертвой обращения, нарушающего Статью 3 (см. *Kurt v. Turkey* judgment, §§ 130-34), тот же самый принцип обычно не применяется в ситуациях, когда взятое под стражу лицо было обнаружено мертвым (см., например, *Tanlı v. Turkey*, no. 26129/95, § 159, ECHR 2001-III (выдержки)). В последнем деле Суд ограничил бы свои выводы Статьей 2. Также и в настоящем деле, учитывая глубину страданий заявителей, причиненную смертью родственников, Суд не находит основания для

возникновения отдельного вопроса о нарушении Статьи 3 в том контексте, как это принято в практике Суда относительно специфики феномена «исчезновения».

116. Из этого Суд делает вывод, что в отношении заявителей не имеет место нарушение Статьи 3 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

117. Заявители жаловались по Статье 13 Конвенции на отсутствие эффективных внутригосударственных средств защиты в отношении нарушений. Статья 13 Конвенции гласит:

"Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве".

118. Заявители утверждали, что действие законодательной системы в Чечне нарушено и существующая административная практика нерасследования уголовных дел в отношении представителей российских военных, с их точки зрения, делает все потенциальные средства правовой защиты неэффективными.

119. По мнению Правительства, заявители имели в своем распоряжении эффективные средства правовой защиты, как требуется статьёй 13 Конвенции, и власти не препятствовали им в использовании данных средств правовой защиты. Следствие по делу исчезновения их родственника все еще продолжалось. Первый заявитель был признан потерпевшим. Более того, он имел возможность обратиться во внутригосударственные суды с иском и требовать компенсации ущерба. Правительство сослалось на решения российских судов в отношении исков о возмещении материального и морального ущерба, причиненного правонарушениями в Чеченской Республике.

120. Суд напоминает, что Статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения соблюдения по существу прав и свобод, гарантированных Конвенцией, в какой бы форме они ни были закреплены в национальном праве. Таким образом, Статья 13 требует, чтобы имелось правовое средство, позволяющее принять решение по существу "потенциально достоверной" жалобы на нарушение Конвенции и предложить соответствующее возмещение, хотя государствам дана некоторая свобода усмотрения относительно способа выполнения их обязательств в рамках данного положения Конвенции. Объем обязательств по статье 13 может быть различным в зависимости от характера жалобы заявителя на нарушение Конвенции. Вместе с тем правовое средство, требуемое статьёй 13, должно быть юридически и практически «эффективным» в том смысле, что возможность его использования не может быть неоправданно затруднена действиями или бездействием органов власти государства-ответчика (см. *Aksoy v. Turkey*, 18 December 1996, § 95, *Reports* 1996-VI).

121. Учитывая фундаментальную важность права на защиту жизни, Статья 13 требует, в дополнение к выплате полагающейся компенсации, проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению личности и к наказанию ответственных за лишение жизни, что, в частности, предполагает фактический доступ истца к следственным процедурам, направленным на установление личности и наказание виновных (см. постановление по делу *Khatsiyeva and Others v. Russia*, no. 5108/02, § 162, 17 January 2008). Далее Суд повторяет, что требования Статьи 13 не сводятся к обязанности Государства согласно Статье 2 проводить эффективное расследование (см. *Orhan v. Turkey*, no. 25656/94, § 384, 18 июня 2002).

122. В свете приведенных выше выводов Суда в отношении Статьи 2, жалобы заявителей явно следует считать "потенциально достоверными" в значении Статьи 13 (см. *Boyle and Rice v. the United Kingdom*, 27 апреля 1988 г., Сер.А no. 131, § 52). Следовательно, заявители должны были иметь возможность воспользоваться эффективными и практически применимыми средствами правовой защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных и назначению компенсации для целей Статьи 13.

123. Из этого следует, что при обстоятельствах, когда, как в данном случае, уголовное расследование смерти было неэффективным (см. пункт 110 выше) и когда в связи с этим была подорвана эффективность любого другого имеющегося средства правовой защиты, включая гражданский иск, Государство не выполнило своих обязательств в рамках Статьи 13 Конвенции (см. среди прочего, *Khatsiyeva and Others*, цит. выше, §164).

124. Следовательно, имеет место нарушение Статьи 13 Конвенции в части вышеназванных нарушений Статьи 2 Конвенции.

125. Что касается ссылок заявителей на нарушение Статьи 13 в связи со Статьей 3 Конвенции, Суд напоминает, что им было признано, что не имело место нарушение прав заявителей по Статье 3 относительно душевных страданий заявителей. В отсутствие признанного нарушения материальной части Конвенции, Суд находит, что не имело место нарушение Статьи 13 в этом отношении также.

V. СОБЛЮДЕНИЕ СТАТЬИ 38 § 1 (a) КОНВЕНЦИИ

126. Заявители утверждали, что Государство отказалось предоставить материалы уголовного дела в связи с убийством их родственников, как того требовал Суд на стадии коммуникации и после вынесения решения о приемлемости, и тем самым нарушило свои обязательства по Статье 38 § 1 (a) Конвенции. Эта статья в соответствующей части гласит:

“1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он

а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия.

...”

127. Заявители призвали Суд считать факт того, что Правительство в ответ на требование Суда отказалось предоставить копию всех материалов следствия по делу, несовместимым с его обязательствами согласно Статье 38 Конвенции.

128. Правительство повторило, что предоставление материалов дела противоречило бы статье 161 Уголовно-процессуального кодекса.

129. Суд повторяет, что разбирательства по некоторым типам жалоб не всегда требуют строгого выполнения принципа, по которому лицо, заявившее что-то, должно доказать свое заявление, и что первостепенную важность для эффективного функционирования системы индивидуальных петиций согласно Статье 34 Конвенции имеет то, что Государства должны создавать все необходимые условия для возможности соответствующего и эффективного рассмотрения жалоб.

130. Данное обязательство требует от Договаривающихся Государств предоставления Суду всех условий, вне зависимости от того, занимается ли он установлением фактов или выполняет свои общие обязанности в отношении рассмотрения жалоб. Для разбирательств, касающихся дел подобного характера, когда отдельные заявители обвиняют представителей Государства в нарушении их прав согласно Конвенции, характерно, что в определенных случаях только Государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть указанные предположения. Отказ Правительства предоставить такую информацию, находящуюся в его исключительном обладании, без какого-либо удовлетворительного объяснения может не только натолкнуть на выводы в отношении обоснованности утверждений заявителя, но и отрицательно сказаться на оценке выполнения Государством-ответчиком своих обязательств согласно Статье 38 § 1 (а) Конвенции. В случае, когда жалоба поднимает вопрос в отношении эффективности следствия, материалы уголовного следствия являются фундаментальной составляющей в установлении фактов, и их отсутствие может нанести вред должному рассмотрению жалобы Судом как на стадии приемлемости, так и на стадии рассмотрения по существу (см. *Tanrikulu v. Turkey* [GC], no. 23763/94, § 71, ECHR 1999-IV).

131. Суд отмечает, что он несколько раз запрашивал у Правительства предоставить копии материалов уголовного дела, возбужденного по факту смерти родственников заявителей. В ответ Правительство отказалось предоставить все материалы дела, за исключением копий постановлений о приостановлении и возбуждении расследования, а также о признании потерпевшим, несколько протоколов допросов и недатированный отчет военной комиссии. Ссылаясь на статью 161 УПК РФ, Правительство отказалось предоставить какие-либо материалы уголовного дела. Суд указывает на то, что в ходе предыдущих дел он уже признал ссылку на Статью 161 УПК неудовлетворительной в качестве оправдания отказа (см., помимо прочего, *Imakayeva*, цит. выше, § 123).

132. Ссылаясь на важность оказания Правительством-ответчиком содействия в ходе осуществления конвенционного судопроизводства и имея в виду сложности, связанные с установлением фактов по делам такого рода,

Суд считает, что Правительство не выполнило свои обязательства по Статье 38 § 1 (а) Конвенции, не предоставив копии документов, запрошенных в связи убийством родственников заявителей.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

133. Статья 41 Конвенции устанавливает:

"Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне".

A. Возмещение ущерба

134. Первый и третий заявители просили компенсацию в связи с потерей финансовой поддержки Казбека Тайсумова. Заявители сообщили, что хотя их сын и отец он был безработным на момент смерти, они могли бы рассчитывать на то, что его заработок был не меньше, чем официально принятый прожиточный минимум. Первый заявитель потребовал 119,801.21 российских рублей (приблизительно 2,700 евро) и третья заявительница потребовала 241,326.59 рублей (приблизительно 5,400 евро).

135. Правительство заявило, что заявителям не может быть назначена компенсация ущерба, так как не установлена ответственность Государства за смерть родственников первого и третьего заявителей, и таким образом указанные требования должны считаться необоснованными.

136. Суд повторяет, что между ущербом, компенсацию которого требует заявитель, и нарушением Конвенции должна существовать четкая причинно-следственная связь. Кроме того, согласно Правилу 60 Регламента Суда любое требование справедливой компенсации должно быть детализировано и представлено в письменном виде вместе с необходимыми подтверждающими документами или свидетельствами, «при отсутствии которых, Палата может частично или полностью отклонить требование».

137. Суд полагает, что действительно существует прямая причинно-следственная связь между нарушением Статьи 2 в отношении Казбека Тайсумова и потерей первым и третьим заявителями финансовой поддержки, которую он мог бы им обеспечить. Принимая во внимание утверждения заявителей и тот факт, что Казбек Тайсумов был безработным на момент своей смерти, Суд присуждает первому и третьему заявителям по 1,500 евро каждому в качестве возмещения материального ущерба, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате с этой суммы.

B. Возмещение морального ущерба

138. В отношении морального ущерба заявители утверждали, что потеряли своих близких родственников и пережили тяжелые душевные страдания в связи с их убийством, а также в результате того, что безразличия, проявленного российскими властями, которые не провели

эффективного расследования жалоб заявителей. Первый заявитель потребовал 75,000 евро, и третья заявительница потребовала 150,000 евро.

139. Правительство посчитало требования заявителей завышенными.

140. Суд признал нарушение Статей 2 и 13 Конвенции в отношении не признаваемого смерти родственников заявителей и непроведения должного расследования в этой связи и отсутствия эффективных средств защиты против таких нарушений. Суд указывает на то, что заявители пережили душевные страдания и стресс в этих обстоятельствах, которые не могут быть компенсированы одним лишь фактом признания нарушений прав. Суд присуждает первому и третьему заявителям по 52,500 евро каждому, плюс любые налоги, подлежащие уплате с этой суммы.

В. Издержки и расходы

141. Заявителей в Суде представляли юристы организации «Правовая инициатива по России». Они предоставили список понесенных издержек и расходов, включая исследования и интервью в Ингушетии и Москве по ставке 50 евро в час и составление юридических документов, поданных в Суд и в органы государственной власти, по ставке 50 евро в час для юристов SRJI и 150 евро в час для старших сотрудников организации. Общая сумма требуемого возмещения расходов и издержек в связи с ведением дела составила 9 046 24 евро, за вычетом суммы, присужденной Советом Европы на представительские расходы по оказанию юридической поддержки (legal aid).

142. Правительство оспорило разумность и законность предъявленных требований в этой связи. Оно также указало, что требования о справедливой компенсации были подписаны пятью юристами, двое из которых не были указаны в доверенностях, выданных заявителями. Оно также усомнилось в необходимости использования для пересылки корреспонденции услуг курьерской почты.

143. Суд указывает на то, что заявители выдали доверенности на имя организации «Правовая инициатива по России» и на ее трех юристов. Требования о компенсации были подписаны пятью юристами. Имена трех из них были указаны в доверенностях, а двое других юристов сотрудничают с «Правовой инициативой». В таких обстоятельствах Суд не видит причин сомневаться, что пять представителей организации, упомянутые в требованиях о компенсации, принимали участие в подготовке замечаний заявителей по существу жалобы. Более того, Суд не видит оснований заключить, что заявители не имели права пользоваться услугами курьерской почты.

144. Далее Суду, во-первых, необходимо установить, действительно ли имели место расходы и издержки, указанные заявительницей, и, во-вторых, являлись ли они необходимыми и разумными (см. *Iatridis v. Greece* (справедливая компенсация) [GC], no. 31107/96, § 54, ECHR 2000-XI).

145. Принимая во внимание детализацию представленных сведений, Суд считает указанные ставки оплаты разумными и отражающими фактические расходы, понесенные представителями заявителей.

146. Далее Суд должен установить, действительно ли расходы и издержки, понесенные в связи с ведением дела в Суде, были необходимы. Суд признает, что данное дело было относительно сложным и требовало определенной исследовательской и подготовительной работы. Однако Суд отмечает, что дело не требовало подготовки большого объема письменных доказательств в связи с отказом Правительства предоставить материалы уголовного дела. Поэтому, Суд сомневается в необходимости проведения исследовательской работы в объеме, указанном представителями заявителей.

147. Учитывая детализацию требований, поданных заявителями, и справедливость их оснований, Суд присуждает им сумму в 7,500 евро за вычетом 850 евро, полученных в качестве юридической помощи от Совета Европы, плюс НДС, если он начисляется на данную сумму, подлежащие уплате на банковский счет представителей в Нидерландах, указанный заявителями.

D. Выплата процентов

148. Суд считает, что сумма процентов должна рассчитываться на основе предельной процентной ставки Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Отклоняет* предварительное возражение;
2. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в отношении Казбека Тайсумова, Зулпат Эскирхановой и Айшат Эскирхановой;
3. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 2 Конвенции в части непроведения властями эффективного расследования обстоятельств смерти Казбека Тайсумова, Зулпат Эскирхановой и Айшат Эскирхановой;
4. *Постановляет*, что не имело место нарушение Статьи 3 Конвенции в отношении предполагаемого душевного страдания заявителей;
5. *Постановляет*, что имело место нарушение Статьи 13 в связи с нарушениями Статьи 2 Конвенции;
6. *Постановляет*, что не имело место нарушение Статьи 13 в связи с нарушениями Статьи 3;
7. *Постановляет*, что была нарушена Статья 38 § 1 (а) Конвенции в части отказа Государства предоставить документы по запросу Суда;
8. *Постановляет*
 - (а) что Государство-ответчик должно в трехмесячный срок, начиная с даты, на которую решение Суда станет окончательным в соответствии со Статьей 44 § 2 Конвенции, выплатить следующие суммы:
 - (i) EUR 1,500 (тысяча пятьсот евро) первому и третьему заявителю каждому, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате

заявителями, в российских рублях по курсу на дату выплаты в порядке возмещения материального ущерба;

(ii) EUR 52,500 (пятьдесят две тысячи пятьсот евро) первому и третьему заявителям каждому, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями, в российских рублях по курсу на дату выплаты в порядке возмещения морального ущерба;

(iii) EUR 6,650 (шесть тысяч шестьсот пятьдесят евро) в счет возмещения издержек и расходов, подлежащие уплате на счет банка представителей в Нидерландах, плюс любые налоги, которые могут подлежать уплате заявителями;

(b) что со дня истечения вышеуказанных трех месяцев до даты оплаты на означенные суммы будут начисляться простые проценты в размере предельной процентной ставки Европейского центрального банка на период неуплаты плюс три процентных пункта;

9. *Отклоняет* оставшуюся часть жалобы заявителей о справедливом возмещении.

Совершено на английском языке с направлением письменного уведомления 14 мая 2009 года в соответствии с Правилом 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен, секретарь

Кристос Розакис, председатель